

Эпистолярная повесть

1

Здравствуй, дорогая сестра!

У нас здесь все пока идет хорошо. Валя, Коля и Вовочка здоровы, а Алексей Петрович умер. Как говорится, приказал долго жить. Я сам, лично, видел его в гробу, так что это уже точно. А в предыдущем письме, где я также сообщал о его смерти, как потом оказалось, он был жив. Я просто поверил неверным слухам и написал тебе так. Теперь же для него все позади, отпали все заботы — и талоны, и купоны, и повышение цен. Теперь все это ему до задницы, а у меня с каждым днем голова идет кругом.

Честно тебе скажу, донашиваю последние штаны, и к зиме точно буду светить голый задницей, как старая обезьяна. Пенсия у меня ты сама знаешь какая — года два назад такую бы пенсию, а сейчас матом хочется говорить и кричать матом в окно на всех сразу. Я, признаюсь тебе, как-то даже крикнул так в окно матом, и вроде бы полегчало, но не будешь же каждый день кричать так, подумают, сумасшедший, да еще и в психушку посадят.

У нас здесь у городского базара образовался блошинный рынок. Стоят, продают всякое барахло, и я тоже как-то вынес несколько книг, вилки, одну кастрюлю. Вначале было стыдно стоять так, а потом колодочки с пиджака отцепил, в карман спрятал — и привык. Уже полквартиры туда вынес и наконец-то разбогател — купил внуку банан. У нас их тут повсюду продают какие-то размалеванные задницы, а за хлебом иногда очереди бывают на полквартила.

Ну да ладно. Это все дела житейские, и затруднения наши, я считаю, временные. Я все же верю нашему правительству и нашей партии, хотя

она ушла в подполье. А вот то, что мы передали вам наши ядерные боеголовки, я считаю, что это было сделано преждевременно. Ваш Ельцин никакого доверия мне не внушает. Да, наш Леонид Макарович тоже из того же роду-племени, но он перестроился, и Черноморский флот тебе не видать, как собственных ушей. Ишь чего захотела! Черноморский флот ей подавай! Накось выкуси, дорогая сестричка. А насчет Крыма я тебе так скажу: Крым был, есть и будет советский!

Ведь ты уже старая женщина, а ума у тебя ни на грош. Если вы у нас оттяпаете Крым, то мы перекроем туда воду. Поняла?! Вот так-то.

Привет вам всем от Коли, Вали и Алексея Петровича, а Вовочка сейчас стащил у меня десять купонов и побежал смотреть видеokino "Пытка сексом".

Вот и все. Жду новостей.

Целую вас всех крепко. Остаюсь любящий вас ваш дед

Григорий Щоб, ветеран труда и запаса.

* * *

Здравствуй, дорогой брат!

Письмо твое получили, и спешу тебе сообщить, что у нас тоже все здорово. Виталик перешел на другую работу, стал больше зарабатывать. Наташа шьет, а Лидочка поехала на каникулы на две недели в Финляндию. Виталик достал такую путевку, и она поехала.

Дорогой брат, я получила от тебя письмо в конце мая, где ты сообщал о смерти Алексея Петровича, но как же тогда выходит — я получаю от него письмо, датированное третьим июня? Он пишет, что здоров, живет хорошо и даже собирается жениться, так что я не знаю, кого это ты там видел в гробу. Алексей Петрович жив, а вот у нас здесь недавно произошел такой случай.

Ты ведь знаешь Веронику Федоровну, так вот на нее прямо среди бела дня совершено нападение. Ее ограбили, изнасиловали, несмотря на ее возраст, и сломали слуховой аппарат. Она в шоке. Но самое неприятное — ты только представь себе — она утверждает, что наш Виталик принимал во всем этом участие. Она, видите ли, узнала его по голосу и по наколке на руке. Хотя на его лице, как она говорит, была черная маска, но руки и голос она запомнила хорошо. Виталика уже вызывали на допрос, но у него есть стопроцентное алиби. Он в это время был в командировке в Туле.

Теперь о помидорах и огурцах. Я послушалась твоего совета и посадила рассаду на балконе, но пока никакого результата. Поливаю, а они даже

не зацвели. Это ведь, дорогой брат, все же Россия, а не твоя солнечная Украина, где стоит только воткнуть палку в чернозем, а на другой день у нее уже распускаются листья.

А теперь вот что я тебе скажу насчет Черноморского флота. Черноморский флот — это гордость Российской державы, он был и будет российским. Мы все костями ляжем, но ни Черноморский флот, ни Крым тебе не отдадим. Кстати, о Крыме. Если вы перекроете воду туда, то мы вам оттяпаем ваши восточные границы вместе с Харьковом и Донбассом. И ты не забывай, что наши ядерные боеголовки нацелены куда надо. Ельцин — это тебе не Кравчук. Ельцин если что сказал, то и делает.

Кстати, мои личные дела сейчас неважные. Болят почки. Лекарств нет. Молочка нет. Кофе я себе позволить купить тоже не могу.

До свидания. Привет всем. Целую.

Ваша Галина.

2

Здравствуй, дорогая сестра!

Вчера я снова кричал матом в окно. И сегодня чувствую, что тоже буду кричать. Представляешь себе, еще вчера утром буханка свежего хлеба стоила девять наших купонов, а сегодня вечером — уже восемнадцать. Да туды вашу растуды, где же справедливость? Хотел было купить килограмм пшена, обошел пять магазинов — нет нигде. Зато риса завались по шестьдесят целковых за кило.

Я пришел к Алексею Петровичу (кстати, ты права, он еще не умер, а что я написал тебе, что якобы видел его в гробу, то, по-видимому, мне все это приснилось). Я сейчас во сне только похороны да какие-то поминальные застолья вижу. А иногда еще собачьи свадьбы, но к чему эти сны — ума не приложу. Особенно эти свадьбы собачьи.

Да, так вот, зашел я к Алексею Петровичу, мы с ним поговорили и сообща решили следующее: Черноморский флот, на который вы так усердно раскрыли свои поганые рты, никогда не будет российским, поскольку у России уже есть три таких флота: Балтийский, Северный и Дальневосточный, а у Украины один — Черноморский, и мы его кое-как прокормим, а вы, если возьмете его себе, — в трубу вылетите. И еще. Зачем ты вмешиваешься в дела Приднестровской Молдавской Республики, зачем ты шлешь туда своих казаков? Что им там делать, этим казакам? Где твоя совесть, сестра? Ответь мне!

Я сейчас пошел и кричал матом в окно. Соседи стали возмущаться, мол, дети во дворе, я, конечно, извинился, но должны же и они меня понять. У меня на кухне уже не осталось ни одной кастрюли, ни одной чашки — все на блошином рынке спустил. Кашу варю в консервной банке, носков нет, мне непривычно надевать ботинки на голые ноги. Приходится ходить в портянках, которые я сделал из занавесок. Эх, видела бы моя покойная Зина, на что я ее занавесочки употребил.

Плакать мне хочется — одна надежда на Леонида Макаровича, что где-то он что-то там крутанет в другую сторону. Я думаю, что он все-таки правильно решил, когда счел нужным прекратить передачу вам наших ядерных арсеналов. Все же мы еще, как говорится, можем, в случае чего, и постоять за себя.

Тут Вовочка хочет написать тебе пару слов.

Дорогая тетя! Пришли мне, пожалуйста, цветные карандаши и каких-нибудь конфет. А если не пришьлешь, то я достану автомат Калашникова и перестреляю вас всех.

Вова.

До свидания, сестра. А Виталию передай мое неодобрение его поведением. Грабить и насиловать — это нехорошо.

Ваш Григорий.

* * *

Дорогой брат!

Виталику дали десять лет. Он, как выяснилось, последнее время работал рэкетиром. Поэтому и жили мы как-то относительно лучше других. Теперь Наташа плачет и говорит, что пойдет на панель, но куда же ей на панель с хромой ногой. На панели у нас сейчас такие красотки стоят, что нашей даже и мечтать не о чем.

А насчет Черноморского флота я тебе так скажу, дорогой брат. Если мы можем три флота содержать, то и с четвертым как-нибудь управимся. Где это слыхано, чтобы ваша Украина, которая всегда была младшая сестра Великой России, вдруг ни с того ни с сего стала бы диктовать свои условия! Ваш Кравчук — это же просто обман зрения. У вас никаких ресурсов. У вас что, есть нефть? Есть бензин? И атомные боеголовки — большую часть их вы нам передали.

Ха-ха! Здорово мы вам лапши на уши навесили. А вы и поверили. Дурни вы. И ты старый дурень. Мы за одну ядерную боеголовку знаешь сколько валюты можем получить? Миллион — вот сколько, а вам фигу! Во!

Покойный Алексей Петрович правильно сделал, что приказал долго жить. А то бы и ему досталось. Броня крепка и танки наши быстры, пойдут машины в яростный поход! Вперед! За Родину, за Сталина, за коммунизм! Ни пяди нашей земли мы не отдадим вам. Вот почему наши казаки гуляют по Приднестровью. Казаки — вольные ребята! Их пока вы еще не оценили. Наши казаки — это вам не ваши запорожские. Те только письма любят писать турецкому султану, а наши шутить не будут.

Так что как бы там ни было, а жить надо, дорогой брат, ради наших внуков. Подумай, какой мир мы им завещаем, мы-то пожилые, нам уже все равно, но им-то как жить в этом кошмаре? Я пошла вчера чаю купить пачечку: 50 граммов — 70 рублей. Хоть вой, хоть плачь. Ты же знаешь, какая я чаевница, как я раньше и всегда любила хороший чай. Сколько всегда гостей мы принимали в эти проклятые и, как теперь оказывается, наши незабываемые, самые лучшие годы застоя!

Но Борис Николаевич говорит, что мы идем к рынку, и надо еще многое перетерпеть. Только я к этому рынку, чувствую, не дойду, если ваш Кравчук будет по-прежнему вставлять нам палки в колеса. Почему он не хочет мирно существовать в рамках СНГ? Почему он вечно выдумывает какие-то проблемы? Не могу понять.

Дорогой брат, отнеси на могилку Алексея Петровича скромный букетик алых роз от моего имени. Пусть земля ему пухом будет. Я его так любила в те далекие годы. Молодой лейтенант НКВД, а я еще зеленое яблочко. Эх, времечко! До свидания, брат мой.

Твоя Галина Чтобы.

3

Дорогая сестра!

Ты сошла с ума! Кто тебе сказал, что Алексей Петрович умер? Какие розы, на какую могилку? Я сегодня кричал в окно, что Черноморский флот мы тебе ни под каким предлогом уступать не должны. Лично у меня вся надежда только на Черноморский флот. Я здесь решил создать партию борцов за черноморский вопрос. Соседи меня поддержали. Покойный Алексей Петрович собственноручно расписался на нашем воззвании. Мы решили действовать решительно и жестко. Алексей Петрович говорит (а ему как бывшему большому человеку виднее), что надо действовать незамедлительно.

Первое, что мы сделали — это написали письмо вашему Ельцину:

"Руки прочь от черноморского вопроса!". И написали Леониду Макаровичу: "Даешь черноморский вопрос в полную силу, согласно политике сегодняшнего дня". Представляешь себе, Алексей Петрович только поставил свою подпись под нашими документами, как ему вдруг сделалось плохо и он умер.

Прямо на глазах у всего нашего собрания. Упал так красиво, прямо как на поле боя, во весь рост. И умер. Вызывали "скорую", врач констатировал смерть. Смерть вырвала из наших рядов лучшего бойца нашего правого дела, но мы, живые, высоко пронесем знамя непримиримой борьбы за светлое будущее всего человечества.

Отнес я сегодня, сестрица, на барахолку последний стул из своей комнаты, забежал внук Вовочка, спрашивает, а что это у тебя, дедуля, так пусто стало, а у меня прямо слезы на глаза навернулись. Один подлец на барахолке заметил, что я колодочки снимаю с пиджака и в карман прячу, подошел и говорит: папаша, а вы ваши побрякушки не хотели бы толкнуть по сходной цене? Я, говорит, вам хорошо за них заплачу. Я дернулся всем телом. Говорю ему: я их своей кровью заслужил. А он: да кому, мол, твоя кровь нужна. Я тебе, говорит, сейчас дам между ушей раз, чтоб небо не коптил. Из-за вас, говорит, старых обезьян, и нам, молодым, жизни нет. Загадили, говорит, всю землю, а теперь еще права качают. Я, ты знаешь, аж затрясся весь. Все свое, что продавал там, так и оставил, а сам домой пришел и хотел было повеситься. Так представляешь, до чего дошло — веревки в доме не нашел.

Вот какие у нас дела. А ты говоришь, отдавать вам Черноморский флот. Нет, дудки, дорогая сестрица. Свободная Украина и ее придаток Крым должны как можно крепче крепить свое могущество! Только так, дорогая сестра, мы, может, и увидим какую-то перемену.

Твой Гриша.

Рисунки автора.

* * *

Дорогой брат Григорий Федотович!

Сообщаю тебе прискорбную весть. Наташа вчера пошла на панель. Ты только представь себе — моя Наташа, моя бедная хромоножка решилась. Пришла поздно, выпившая, и сразу же легла спать. Я еще с ней не разговаривала. Пусть пока спит. А Лидочка сейчас снова поехала на какие-то там каникулярные гастроли, они в школе организовали какой-то ансамбль. Она поет по-английски и танцует так неприлично, как ты сам знаешь, они танцуют. Вихляет своей заячьей попкой, трясет грудками, и это считается красиво.

Дорогой брат, я никогда не была в Крыму, никогда не отдыхала в его роскошных здравницах и курортах, но у меня всегда была надежда посетить этот райский уголок земли, покупаться в голубой воде моря, поесть брынзы с мамалыгой... Хотя брынза с мамалыгой — это в моей Приднестровской Республике, а в моем Крыму — сочный виноград, чебуреки, душистые яблоки, дыни, миндаль, груши, редкие породы деревьев. И что же это получается, что я должна все это просто так, ни за понюх табаку (а какие вина, говорят, в Крыму!) уступить тебе вместе с твоей веселой компанией во главе с бывшим покойником Алексеем Петровичем? Нет! И еще раз нет. И плевала я на вашу партию по черноморскому вопросу.

Вас много, а Россия одна. Она дала миру Пушкина, Толстого, Гоголя, Ельцина, Рудцкого, Жванецкого, оплеванного вами Ленина. А кого дала миру ваша Украина? Того же Жванецкого? И все. Шевченко я никогда не считала великим поэтом, а вот Маяковского считаю.

Боже мой, и чего это в последнее время я постоянно хочу кушать? Вроде бы еще не голодаем: хлеб есть, масла, правда, нету, сахара нету, и ничего, в общем-то, кроме хлеба, уже нету. Все так дорого, так недоступно и соблазнительно. Но главное, что кое-что все же есть в магазинах: и селедка хорошая, и жвачка иностранная всякая, и галлюцинации всевозможные присутствуют.

Брат мой, я, кажется, так же, как и ты, схожу с ума. Я давно заметила по твоим письмам, что ты нездоров. Тебе нужно лечиться. Ваш Кравчук всех вас доведет до ручки. Останетесь вы босые и голые, больные и голодные. Осенью мы вам не дадим бензина, и вы не соберете урожай. А зимой мы вам перекроем газ, и вы будете выть от холода. Вот тебе и черноморский вопрос! Понял?

Проснулась Наташа, попросила пить. Я думала, она будет плакать, а она улыбается, сказала, что сегодня тоже пойдет на панель. Дала мне

деньги, иди, говорит, мама, в магазин и купи мяса. У нас в коммерческом мясе есть по 500 рублей за кило. Но мясо хорошее. Может быть, и мне с ней на панель сходить, а, братец? Целую тебя.

Твоя Галина.

4

Дорогая сестра, мать твою...

Да, я за то, чтобы Черноморский флот стрелял, а не стоял без толку. Вот если бы он хоть разок пальнул тебе по заднице, тебе и твоей проститутке Наташе. Никогда! Слышишь, никогда я не соглашусь на раздел Черноморского флота.

Вчера проклятые соседи вызвали ко мне скорую помощь — меня хотели было забрать в дурдом. А я не дался. Я вырвался у них из рук и убежал. Сейчас живу в парке имени писателя Максима Горького. Максим Горький — это наш национальный украинский писатель. Да! А жить мне теперь все равно где: или дома — там ничего нет, или здесь, в парке — тоже ничего нет.

И есть мне уже не хочется, и чай я не пью. Хорошо, что я вырвался от них в старом пальто, так что ночи мне не страшны. Пока тепло. И милиция нас не гоняет, потому что, оказывается, в парке этом нас таких много. Откуда они набрались, ума не приложу. Мне покойный Алексей Петрович иногда приносит чего-нибудь покушать. Я кушаю и никому не даю. А они сидят вокруг и смотрят. Если бы у меня был автомат Калашникова, я бы весь этот сброд одной очередью перекошил. Они, эти нищие, загрязняют весь пейзаж нашего парка.

Вчера приходили ко мне в парк дочка моя Валентина и зять Коля. Они мне сказали: папа, если ты помрешь, то нам не на что будет тебя похоронить. Гроб — тыща. Взятку директору кладбища — тыща. Могилкопателям — по тыще, а ее четыре человека копают. И на прочие расходы тоже тыща, тыща, тыща. Вот если бы ты утонул, папа, — сказали они мне. Поэтому и в дурдом они меня не хотят. Если я там загнусь — хоронить им. А вот если я утону в море с камнями в карманах, то это хорошо. Я, наверное, так и поступлю, сестра. Если бы ты только знала, как мне противно жить на этом свете. Иногда, когда я вдруг делаюсь маленьким мальчиком, то пою пионерские песни, вспоминаю папу и маму наших. Какие они счастливые люди! Их расстрелял твой любимчик лейтенант НКВД Алексей Петрович. Они умерли быстро и легко. Мне сам Алексей Петрович

рассказал, что он убил их не мучая, соблюдая закон и человечность.

Ночью в парке какие-то юнцы сняли с меня пальто, меня били, спину порезали, а когда взошло солнышко, я пошел к морю.

Весь Черноморский флот завещаю японскому правительству. А вам всем — вот!

Все еще любящий вас старая вонючка
(так меня называет мой внучек Вовочка).

* * *

Дорогой брат, если ты еще не утонул, то я сообщаю тебе следующее. Да, брат, я тоже пошла на панель. И что же ты думаешь? Меня "склеили". Ха-ха! Утопленник! Ты слышишь меня? Твоя Галина в свои семьдесят лет еще может заработать себе на жизнь. А Наташа сбежала, куда-то уехала с каким-то арабом. А Лидка на мне. Требует модных одежд, вкусной еды. Вот я и выкручиваюсь. Крашусь, привожу себя в порядок, иногда беру с собой изнасилованную нашим Виталиком Веронику Федоровну, но ей, в общем-то, не везет. У нее клиент самый низкопробный. Она ведь ничего не умеет, ничего не знает. А я, оказывается, еще не забыла французский, играю Шопена, знаю Блока.

На днях был у меня один клиент из Никарагуа, но француз. Я покорила его сердце, мы пили шампанское, а потом, когда мы заговорили с ним о судьбе Черноморского флота, он вдруг заявил, что поддерживает в этом вопросе Украину. Я выставила его за дверь.

Брат, у меня все болит. Ноги болят. Мне нельзя пить, но я пью. Скажи Алексею Петровичу: если он еще не умер, то пусть как-нибудь пристрелит меня, чтоб я долго не мучилась. Во имя нашей былой любви! Белокуренький мой бравый лейтенантик.

Брат мой, ты бомж? Из-за того, что ты выставил свою задницу в окно и крикнул пару ругательств, тебя лишили жилища?

Прощай, утопленник.

Плевать я хотела на Черноморский флот, на ядерные боеголовки, на Крым. На всех! На всех!!!

Я ворошиловский стрелок.

Вся ваша Галина.

* * *

Здравствуйте, уважаемая валютная жрица любви Галина Федотовна! Сообщаем вам, что ваш брат Григорий находится сейчас в психболь-

нице. Его состояние очень тяжелое. Лечащий врач сказал, что он долго не протянет, и нам придется его хоронить. У нас к вам большая просьба — помогите нам, чем сможете, хотя бы тысяч пять-шесть, а не то его труп обойдется без похорон, и вам будет стыдно за его заслуги перед партией.

Ждем вашей благосклонности и участия. А на Черноморский флот мы все втроем сделали бы по большой нужде с самой высокой башни — лишь бы вам угодить, дорогая вы наша Галина Федотовна.

Всегда ваши
Коля, Валя и Вовочка.

5

ПОВЕСТКА. Ветерану Вооруженных Сил Союза Советских Социалистических Республик, гражданину Щоб Григорию Федотовичу. Именем Придистрианской Советской Социалистической Республики вам присваивается внеочередное звание полковника и предписывается явиться на сборный пункт при райхозкоммунвоенторге для прохождения воинской службы в отрядах казацко-стрелкового назначения.

При себе иметь: коня, седло, сбрую, шапку. Обмундирование: сапоги, шаровары с лампасами цвета давленной вишни, гимнастерку с портупей и фуражку образца 1937 года.

ДОПОЛНЕНИЕ К ПОВЕСТКЕ. Дорогой друг! Мы, твои боевые друзья, крепко надеемся на твое согласие. У нас отличные условия для прохождения воинской службы: трехразовое калорийное питание, норма курева, а также наркомовская норма.

Если тебе придется в бою пролить свою кровь за правое дело, то при получении легкого ранения тебе будет выплачено 1500 рублей, при получении среднего — 3000, при тяжелом — 10000 рублей. Если оторвет руку или ногу — 15000 рублей. Если и то и другое — 25000. Если повредит ногу и детородный орган — 18000 рублей. Если только орган — то 1416 рублей. Если оторвет орган и повредит глазное яблоко — 4000 рублей.

Мы крепко ждем тебя, дорогой друг!

Вперед! К полной победе коммунизма!